

Он в жизни беспрестанно играл. На каждом перекрестке. Он обольщал любую продавщицу

Валентина Титова о Владимире Басове — Газете

Стояли плотно прилегающие друг к другу двухметровые модели обоих полов

В Москве и Санкт-Петербурге выступил Джей-Джей Йохансон

Газета 1003-78 Москва-С.П., 11

“он был Остапом Бендером”

Окончание. Начало на странице 01

Я никогда не забуду, как один наш знакомый пришел просить денег в долг. Басов говорит ему: «Ты что, с ума сошел? Зачем тебе такая сумма?» А тот говорит: «Разводиться». Басов: «Ну, раз разводиться, тогда найду».

Мы жили, как наркоманы. Мы летели по первому призыву в любой край страны сниматься. Наши дети зачастую оставались одни в квартире. Приходишь домой — дети вымыты, спят. Все было прекрасно! Об отдыхе мы и не помышляли. После работы сидели в веселой компании до трех ночи. У нас была крошечная квартира — сорок пять метров вместе с ванной и кухней. Кухня — пять метров. Дети жили в восьмиметровой комнате, кабинет Басова — тринадцать метров, пенальчик такой. Туда нельзя было заходить детям: там все было завалено бумагами, какими-то сценариями... И вся жизнь — прием гостей, встречи — проходила в восемнадцатиметровой комнате. Мы ели самую непритязательную пищу, ютились в этой квартирке, но тем не менее очаровательно жили! Это был такой замечательный период.

У нас не было ни бабушек, ни дедушек, ни нянечек. И путешествовали мы вместе с детьми. Басов был в таком привилегированном положении, что ему позволяли путешествовать на машине по странам соцлагеря! И мы все объехали! Мы кайфовали на полную катушку! Кажется, так никто не жил в Советском Союзе. И это, конечно, благодаря славе Басова.

Меня, когда я с ним встретилась, поразило, как он ловко врет. Вернее, это в тот момент мне казалось, что он врет. И только теперь я понимаю, как романтически была настроена его душа: все, что он видел, он переводил в другую, более высокую ипостась. Он восхищал тем, что заставлял человека чувствовать себя как в воздухе. И сам он находился в таком состоянии почти постоянно. Да, он уставал, иногда отлеживался неделю, десять дней, но после этого снова бил феноменальный творческий фонтан. Неумный! И, бывало, я так уставала, что умоляла его замолчать.

И теперь, когда мне моя дочь говорит: «Мама, Аруся так врет!» (нашу внучку зовут Ариадна), я ей говорю: «Она не врет. Она фантазирует». Она все время придумывает, приукрашивает события, что-то присочиняет. И мы говорим: «Снова Басов у нас в квартире». Потому что он врал всю жизнь! Но это было такое романтическое состояние души.

Все, кто его окружал, знали, что он не просто хотел сыграть Остапа Бендера — он был Остапом Бендером. Но Остапом — не прохвостом и аферистом, а по существу, по внутреннему накалу, потому что ему было скучно жить иначе.

Куда бы он ни приходил, он добивался победы. Он выходил в зрительный зал и через десять минут очаровывал всех, и уже хотели слушать только его. Он был красноречив, блистательно писал четверостишия по любому поводу — дня рождения или просто зашел на секундочку и не застал. Даже когда я навещала его в больнице после инфаркта, к моему приходу уже были

готовы вирши. Он описывал все, начиная с горшков и клизм...

У нас в семье не было ласкательных слов. На съемочной площадке, чтобы было удобно, потому что группа большая, я его называла Басов, а он меня Титова. И дома он никогда не звал меня очень ласково. У нас была работающая семья, мы все время были в работе, процесс продолжался и дома — ведь мы жили на «Мосфильме». Прямо через дорогу стоял наш дом, поэтому тропа с «Мосфильма» шла в наш дом. Заходили работники съемочной группы и уходили поздно. А просыпались мы рано... Словом, некогда было особенно ласково относиться друг к другу.

Но в записочках он писал «Аромашечка». В его устах это звучало с такой издевкой. Мы и детей не звали ласково. Дети наши сразу стали взрослыми, потому что с ними по-взрослому разговаривали. Мы брали детей на съемочную площадку, и когда там впервые кто-то их видел, то говорил: «Боже, ребенок такой маленький! Надо его куда-то увести!» Нет, дети спокойно переносили то, что мы называем «тяготами». Это стало нормой бытия.

Когда кончалась вся работа, мы уезжали надолго — на два, на три месяца — отдыхать на море. Были в Крыму, на Кавказе. Басов в детстве некоторое время провел в Афоне и в Сухуми, поэтому его туда особенно тянуло. Там жила его двоюродная сестра, и сейчас она живет там.

В жизни талантливого человека, конечно, очень много уколов и обид. Одна из них — когда Швейцер взял в свою картину «Золотой теленок» не Басова, а Сергея Юрского. Владимир Павлович очень обиделся на него. А потом, когда Гайдай начал снимать «Двенадцать стульев»... Ведь Гайдай другого плана режиссер, у него все строилось на трюках — в эту канву Басов тоже не вписывался. Сам он вряд ли смог бы и поставить, и сыграть, потому что слишком много сил надо было бы положить на эту картину. А еще он мечтал сыграть Сирано де Бержерака. Георгий Данелия сказал, что он собирался с Басовым делать «Сирано». Но по разным причинам этого не случилось.

Но в то же время Басов был внешне и внутренне смешлив, довольно часто издевался над своими приятелями. Многие его принимали его шутки и только со временем оттаивали. Ведь Басов иначе не мог существовать. Ему было скучно разговаривать просто. Он считал, что так время теряется.

Я помню, как-то пришла соседка и, узнав, что Володя лежит в предынфарктном состоянии, говорит: «Я не буду заходить». И просто голову воткнула в дверь и жалуется: «Володя, Ольку не приняли в университет!» Он говорит: «Ну и очень хорошо!» Она: «Ну что ты говоришь, она же на искусствоведческий поступала, стала бы умной». Он: «Искусствоведы умными не бывают. Это не профессия, туда идут только бездарности». Но тем не менее он все равно помогал, даже лежал.

Он был уже тогда в такой силе, что многие вещи помогал делать: он спас однажды режиссера, который потом с ним очень некрасиво поступил. Имени его называть не хочу. Того бы просто выгнали с «Мос-

фильма», он плохо снял там что-то. Этот человек нашел нас на пляже на юге. И Басов полетел в Москву! Я уговорила: «Надо спасти человека». Картину сдали, потому что помог Басов. А этот человек пришел к нам домой и принес деньги. Басов был в полном шоке. Это было унижение.

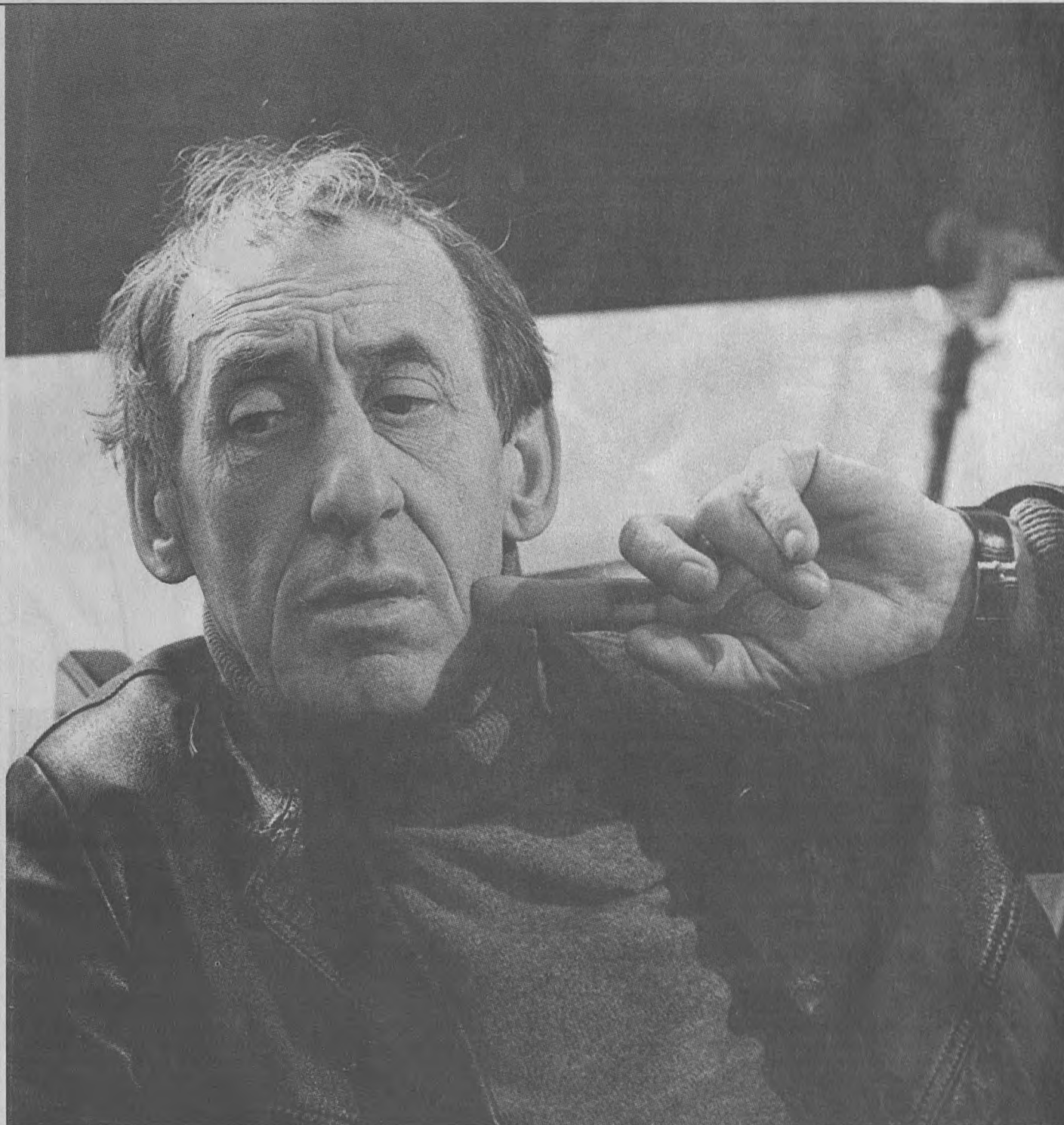
Унижение потому, что Басов взялся за это дело и под его фамилию разрешили-таки доделать картину, а в титрах его имени не было! И так нередко люди поступали с Басовым. После этого уже мы не здоровались, не виделись, и этот человек делает теперь вид, что не знает меня.

У Басова внешне все было легко и просто, но на самом деле все давалось тяжелейшим трудом. Достаточно сказать, что Ба-

сов — единственный среди советских актеров и режиссеров человек, который снимался в семи фильмах в год. На людях он был веселый, никогда не показывал, что с ним происходит. Это все дома. Это все доставалось мне. А на людях — никаких проблем. Я многому у него научилась. Это была огромная школа жизни.

Все это, конечно, для семейной жизни было очень тяжело, но я бежала с той же скоростью. Мне надо было либо соответствовать этому человеку, либо расставаться с ним. И вот четырнадцать лет мы прожили в одной упряжке, очень часто снимались в одной картине. Но нас редко приглашали вдвоем. Обычно было вот как: я ехала на съемки, и он хотел меня сопровождать. А когда он приезжал — тут же получал роль, которой даже не было в сценарии. Но никогда, ни разу ни госкомитет не воспрепятствовал этому, ни на студии, хотя метраж фильма менялся, значит, нужно было выбросить какой-то эпизод. И выбрасывался другой эпизод — потому что снимали Басова. Он был такой счастливой этикеткой для картины. В то время он пользовался феноменальным успехом. Я считаю, что среди его ролей блистательная работа — полотер в «Я шагаю по Моск-

Валентина Титова: «Сколько у Басова было славы, столько было и ненависти» Фото: ИТАР-ТАСС

ве», роль Бруно в «Щите и мече». Всяких Дуремаров я не беру. Сказка есть сказка! Я считаю, что он гротесковый актер, трагический. Но особенно трагических ролей у него не было. Но было такое окружение потрясающее! Это Кулиджанов, Чухрай, Наумов, Швейцеры, Окуджава, Таланкины... Это все были наши соседи. И это не могло не сказаться на судьбах детей. Когда наш сын услышал Окуджаву, он тут же запел, стал пытаться играть на рояле. Дети влюбились в то, что делали эти люди. Да, я училась в другой школе, у Георгия Товстоногова. Меня многое корбило в Басове. Мне казалось, что так нельзя себя вести, так нельзя говорить, так нельзя ходить. Он в жизни беспрестанно играл.

На каждом перекрестке. Он обольщал любую продавщицу.

Он прихрамывал, говоря, что был ранен. Не знаю! Потом у нас родился Саша. До годика он, как положено, ползал, а когда пошел, то походка у него оказалась такой, словно ранило не только Басова, но и его сына. Басов был, честно говоря, создан не для семейной жизни, а для общества. Его обожали в любой компании. Без него веселье было не весельем. Он боготворил своего педагога Михаила Ромма. Над письменным столом Володи висел портрет Ромма. Сейчас портрет по наследству перешел к сыну, к Александру, и висит над его столом.

А как он относился к тому, что при такой огромной всенародной славе он получил народного артиста только в 1983 году? Люди не прощают славы. И столько же, сколько было славы, было и ненависти. К этому он относился спокойно.

Если любишь мужчину — можешь терпеть. А терпеть приходилось многое. Но пока любишь — все в радость. Когда это кончается, тут уже ничего не исправить. Дети носят его фамилию — и дочь, и сын, — так что продолжение следует.

Мы уже собрались с детьми, с нашими друзьями, вспоминали его. А сегодня утром мы поедем на кладбище к дедушке Володе, к папе Володе. Поставим цветы, поставим свечи...